

Артур Грюнер
Герой без прошлого

С новой Родиной в сердце

Артур Грюнер

**Герой без прошлого. С
новой Родиной в сердце**

«Издательские решения»

Грюнер А.

Герой без прошлого. С новой Родиной в сердце / А. Грюнер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500617-2

Малоизвестная тема: Воевали ли российские немцы на фронте Великой Отечественной войны против фашизма? В романе «Герой без прошлого» и повести «Не стреляйте в Ангела» автор показывает, что да, воевали. Оба протагониста мужественно сражаются на фронте против фашистского нашествия. В главах из романа «Сибиль» глазами ребенка показана депортация и жизнь семьи в Сибири, а также повести первой любви подросших братьев.

ISBN 978-5-00-500617-2

© Грюнер А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ГЕРОЙ БЕЗ ПРОШЛОГО	7
Глава 1. Найденыш	7
Глава 2. С мечтой о небе	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Герой без прошлого С новой Родиной в сердце

Артур Грюнер

Компьютерная верстка А. Грюнер

Дизайнер обложки Ридеро

Корректор Мария Черноок

© Артур Грюнер, 2019

© Ридеро, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0617-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

От каких только причин не зависят судьбы людей. Иногда это субъективные причины, определяющие жизнь отдельного человека, но чаще всего это факторы объективного развития мира, в круговорот которых вовлекается человек независимо от своего желания.

Наиболее драматичные страницы человеческих судеб развернулись в годы Второй мировой войны. О судьбах павших в боях или на трудовом фронте в тылу написано достаточно много, хотя, как уверяют историки, тема этой величайшей катастрофы двадцатого века и по сей день не исчерпала себя.

Малоизученной темой в литературе является вопрос, могли ли российские немцы воевать на фронтах Великой Отечественной войны против фашистского нашествия.

Автор отвечает на этот вопрос положительно как в романе «Герой без прошлого», так и в повести «Не стреляйте в Ангела». В первом случае это молодой человек, лишившийся памяти на прошлое, который становится военным летчиком, проявляет мужество и героизм на фронте, за что награждается высшей боевой наградой Родины. Во втором случае это сельский парень Иосиф Енгель по кличке Ангел, дважды избежавший расстрела оккупировавшими село фашистами с их приспешниками-жандармами. Ему удается бежать, чтобы вернуться в село, хотя и с ампутированной выше локтя рукой, но лейтенантом Советской Армии, орденосцем. Он принимает участие в суде над карателем-жандармом, принесшем неисчислимые бедствия жителям села.

Драматична судьба и тех, кто выжил в кровавой бойне двух авторитарных режимов. Об этом речь в избранных главах из романа «Сибиль», представляющего собой картины депортации и жизни в Сибири глазами ребенка. После того как все мужчины были призваны в трудовую армию, трое малолетних братьев смогли выжить только благодаря самоотверженным усилиям матери, также мобилизованной на лесоповал и, вопреки предписаниям, забравшей детей с собой, не оставившей их на погибель в чужом окружении.

А далее – борьба за выживание, причем не только в годы войны, но и многие годы после ее окончания. А уж коль выжили и выросли, то в судьбу братьев вошли события, расцвеченные особыми душевными качествами и красками – чувством первой любви.

ГЕРОЙ БЕЗ ПРОШЛОГО

Роман

*Не было бы счастья,
да несчастье помогло*
Народная поговорка

Глава 1. Найденыш

На западных границах страны уже четвертый месяц шли тяжелейшие оборонительные бои. Фашистская Германия вероломно, несмотря на заключенный пакт о ненападении, вторглась в нашу страну. А здесь, можно сказать, почти что в центре Советского Союза, вблизи небольшой станции Кара-Су, что находится между казахским селением Аксай и русским городом Оренбургом, путевой обходчик Омар-Ата Муртаев¹ этой ночью, с 8 на 9 сентября 1941 года, как обычно в половине четвертого утра, проходил свой участок дороги.

В слабом свете своего керосинового фонаря, как и в восходящем утреннем свете, он натренированным взглядом подмечал все неисправности, которые возникали на перегруженной однопутке, по которой с началом войны стало проходить ежедневно во много раз больше поездов, и все больше большегрузных. На запад шли поезда, груженные целыми дивизиями солдат попеременно с зачехленными тяжелыми орудиями на открытых платформах, а на восток – поезда, перегруженные людьми, которые, как объяснял начальник станции Иван Степанович, как неблагонадежные должны были ехать в изгнание.

В этих условиях рельсы быстрее изнашивались, ослаблялись болты, крепившие рельсовые стыки, как и «костыли», которыми крепились рельсы к деревянным шпалам. Надо бы некоторые участки отремонтировать, а то и полностью заменить, думал Омар-Ата, но для того, так и для другого, нет сейчас никакой возможности. Вот и приходится ему выявлять наиболее ослабленные участки дороги, чтобы наутро в перерывах между движениями поездов ремонтная бригада, которая сейчас состоит из одних женщин, могла бы исправить выявленные недостатки.

Погруженный в эти мысли, шел он со своими инструментами, измерителем ширины колеи на плече и молоточком с длинной рукоятью в руке, замечая каждый ослабленный болт или подавшийся чуть кверху «костыль» в шпале, по звуку удара молоточка определяя слабый участок, пока не наткнулся на тело мужчины, лежащее между рельсами. Приблизившись, он увидел, что на шпалах лежит молодой человек без сознания, с ушибленной раной на затылке и запекшейся кровью в волосах. Поместив пальцы на сонную артерию, он определил сильные и регулярные пульсовые удары и увидел также, что парень дышит. Кроме раны на голове, он не мог установить у него других повреждений, но все попытки установить с ним словесный контакт были безуспешны.

Омар-Ата понял, что парень, конечно же, отстал от одного из последних поездов, очевидно, замешкался на станции. Он сразу представил себе, как мальчишка должен был бежать за набирающим скорость поездом, его догнал, ухватился за последний вагон, но подняться на его площадку не смог, оборвался, упал, ударившись головой о шпалу, и так остался лежать на пути. Да, именно так это могло произойти, подумал он. Последний поезд с людьми на восток

¹ Имена протагонистов, за исключением известных личностей и государственных деятелей, изменены в соответствии с положением о неприкосновенности личной жизни. – Прим. авт.

прошел в полночь, длинный состав из пульмановских вагонов с людьми, с охраной из офицеров и солдат НКВД, каких множество прошло за последнее время в восточном направлении.

Начальник станции говорил, что это фашисты, которых гонят подальше от фронта, но этот парень, по виду не старше шестнадцати лет, какой же это фашист? И вообще, Иван Степанович, при полном к нему уважении, часто говорит такую чепуху, что ему не хочется верить. Но после двенадцатичасового прошло еще четыре поезда в том и другом направлении. Неужели возможно, что все они проехали над лежащим между рельсами парнем? Ах ты, бедный мальчик, подумал старик, повезло же тебе, что лежал ты без движения, а то перемололи бы колеса тебе все косточки.

Как бы то ни было, перед ним лежал пострадавший молодой человек с тяжелой черепно-мозговой травмой, который нуждался в срочной медицинской помощи. Он сразу понял, что если он донесет парня до станции и будет ждать, пока со следующим поездом он будет доставлен за 70 километров в маленькую больничку в районном центре Аксай или в городскую больницу в Оренбурге, а это 185 километров и не менее трех часов пути, то парень, которому нужна немедленная помощь, умрет. Сейчас ему нужен покой и холодные компрессы на голову, общий уход, и как можно скорее, пока время еще не упущено.

Омар-Ата сделал самое верное в этих условиях: он перенес парня на траву около насыпи, побежал обратно на станцию и взял одну из одноколесных тачек, с помощью которых женщины возили щебень для подсыпки железнодорожного полотна. Вернувшись с тачкой, он постелил в нее свою фуфайку, уложил на нее парня, все еще не приходящего в сознание, и лесной тропинкой через березовую рощицу, по которой он всегда ходит на работу, в два раза сокращая дорогу, повез парня к себе домой. Толкая тачку перед собой, он в течение получаса быстрой ходьбы преодолел эти два с половиной километра короткого пути и вышел к своему дому.

Его дом и двор были окружены высоким забором – дувалом из обмазанного глиной и побеленного известью плетня. Приземистый, но вместительный дом из шести комнат и большой кухни имел стены такого же метода строительства и камышовую крышу. Этот дом он со своей женой заложил еще в молодые годы, а когда пошли дети, то постепенно расширял и достраивал его по мере надобности. Так же постепенно появились несколько сараев для скота и птицы, огород позади дома и большой фруктовый сад, которые содержатся в образцовом порядке благодаря труду всей его большой и дружной семьи.

Вот здесь парень найдет нужный ему покой и уход и скоро будет здоров, подумал Омар-Ата, приближаясь к калитке в заборе. Как в прошлом году, подумал он, когда его тринадцатилетний сын Манас упал с одуревшего и понесшего верблюда. Он был шесть с половиной часов без сознания, но через неделю благодаря тщательному уходу матери был снова здоров. Этому тоже нужен прежде всего покой, а когда поправится, будет видно, как он сможет догнать свою семью.

Едва он вошел во двор, как увидел, что его жена Зара-Ана тоже уже на ногах, и не одна, а вместе с восемнадцатилетней старшей дочерью Лейлой и невесткой старшего сына девятнадцатилетней Зухрой. Старший сын Джунус сейчас в армии, и хотя война внезапно нарушила все планы со свадьбой, Зухра жила в доме родителей будущего мужа. Девушки встали вместе с матерью, чтобы помочь ей управиться с утренними работами по хозяйству. Остальные дети в возрасте от трех до шестнадцати лет еще спали.

Мать и дочь не были удивлены тем, что отец так неожиданно вернулся с работы. Обе сразу поняли, что причиной явился новый найденный, как и прежние пять, которых глава семьи каждый раз подбирал на станции и приводил в дом.

«Теперь еще один?» – обратилась Зара-Ана к мужу, хотя сразу увидела, что юноша лежит в тележке в беспамятстве и нуждается в срочной помощи.

«Да, моя дорогая, и я не мог ничего лучшего придумать, как привезти его домой под твою опеку, – ответил он. – Я нашел его на путях, конечно, травмировался, когда пытался догнать

поезд. Смотри, у него на затылке ушибленная рана с кровью, запекшейся в волосах. Наверняка он ударился головой о шпалу. Ему нужен покой. Я не мог привезти его на станцию, чтобы он там лежал без помощи в ожидании поезда. Пожалуйста, позаботься о нем, а мне нужно обратно, я должен еще успеть обследовать свой участок. Холодные компрессы на голову и покой, ах, да ты лучше меня знаешь, что надо делать в таком случае. И, пожалуйста, не сердись, моя дорогая. Если мы ему сейчас не поможем, упустим время, пока он попадет в больницу, то он может умереть. Для нас он тоже не в тягость. Ты же знаешь, если семеро за столом сидят, то восьмому всегда место найдется, а кусок хлеба для него у нас тоже есть...»

Все эти слова он произносил в то время, когда с помощью жены и дочери переносил парня в одну из комнат, где они уложили его на кровать. Затем он вышел во двор, взял тачку и быстрым шагом пошел в сторону станции.

Да, конечно же, Омар как всегда прав, подумала его жена, умудренная жизненным опытом Зара-Ана. Недаром же они вместе с мужем воспитывают десятерых детей, из которых пятеро свои собственные, остальные же все найдены на станции, приведены в дом милосердным Омаром-Ата и официально включены в семью. Правда, двое взрослых уже оставили отчий дом, но остальные все здесь, как свои собственные, так и приемные. И прав, опять же, Омар, что все они как родные. А как же иначе? Так и должно быть в семье...

От этих мыслей она тут же отвлеклась, потому что парень нуждался в срочной помощи. Она велела дочери принести ведро холодной воды, смочила два полотенца и сделала холодные компрессы на голову, на лоб и на затылок. Невестку она послала в погреб, чтобы та отколола куски льда, положила их в ведро и принесла в комнату. Со льдом компрессы будут эффективнее. Она знала, что при наличии раны на затылке и продолжительном беспомоществе у пострадавшего наверняка имеется мозговая травма, по меньшей мере сотрясение мозга, о большем даже и думать не хочется. И когда парня вырвало, она окончательно убедилась в том, что головной мозг у него набухает, как и мягкие ткани вокруг ушибленной раны, только в отличие от поверхностного повреждения мягких тканей мозг при набухании сдавливается в замкнутом пространстве черепной коробки, что может привести к непоправимым последствиям.

Итак, для начала – полный покой и холодные компрессы. Она велела дочери следить за общим состоянием больного и через каждые четверть часа менять компрессы. Дойку коров она делает сама с Зухрой. Но прежде чем пойти в коровник, она ощупала голову пострадавшего и с некоторым облегчением отметила, что костных повреждений как будто бы нет. Края раны на затылке она обработала настойкой йода и наложила повязку.

Как и прежде, она, управившись с дойкой, подходила к больному и трепала его по щекам в надежде на то, что он придет в себя, но все было напрасно. Для пробы она дала ему в рот с ложки немного воды и увидела, что глотательный рефлекс был сохранен. Теперь она стала с целью уменьшения отека головного мозга давать ему с ложки слегка подсоленный чай.

С наступлением утра к пострадавшему была приглашена единственная имевшаяся в пристанционном поселке медработница, заведующая фельдшерско-акушерским пунктом Заиля Керимовна, которая одобрила мероприятия Зары-Ана и установила, что больной нетранспортабелен. В дальнейшем она ежедневно посещала семью путепроходчика и корректировала действия Зары-Ана.

А та день и ночь почти безотрывно проводила у постели больного, стараясь уловить малейшие изменения в его состоянии. Все дети, даже и шестилетняя Кузулу, старались помогать матери в уходе за незнакомым парнем. Трехлетняя Динара тоже была часто около него, но понятно, что из чистого любопытства. Отец семейства каждую свободную минуту заходил в комнату и справлялся у жены, не может ли он чем-либо помочь. Состояние больного существенно не менялось. С третьего дня Зара-Ана стала кормить больного жидкой пищей.

В течение многих часов, проведенных у постели больного, хозяйка дома много думала о своих сыновьях, которые сейчас уже не жили дома. Ее первенец, теперь уже двадцатидвухлет-

ний Джунус был с первых же дней начала войны призван в армию. Запланированную свадьбу с хорошей девушкой Зухрой пришлось отложить до лучших времен. Невестка живет в доме, называет родителей жениха отцом и матерью, надеется на скорое окончание войны и возвращение жениха.

Второй сын, двадцатилетний Марат, уже полгода находится на обучении в Оренбургском летном училище, и, как слышно, скоро он тоже должен будет отправиться на фронт. Уже с пятого класса мечтал он о небе. Его комната и сейчас еще полна моделями самолетов и вертолетов, которые свисают на нитках с потолка, стоят на полках и подоконниках. Теперь его мечта стать летчиком сбывается, но почему обязательно на фронт, зачем обязательно в бой? Было бы ведь лучше, если бы он мог в мирном небе перевозить людей и грузы. Но зачем война?

У них с Омаром еще трое собственных детей. После двух мальчиков родилась девочка. Она родилась в темную безлунную ночь и поэтому получила такое полное тайны имя Лейла. Сейчас ей восемнадцать, и она является ей главной опорой в большой семье. Затем четырнадцатилетний Манас, мой бесстрашный мальчик, с которым в прошлом году было столько переживаний. Он упал со взбесившегося и понесшегося в степь самца-верблюда и тоже, как и этот юноша, в течение многих часов лежал в беспомощности, однако, слава Аллаху, поправился без последствий для здоровья. И последняя из собственных детей, десятилетняя Сиягул, которой отец дал это имя, означающее «прекрасная, как цветок», которую в семье все называют Силика, то есть младшая сестра старшей дочери Лейлы.

Но остальные пятеро, ах да, теперь уже шестеро – все найденыши, которых сердобольный отец семейства каждый раз подбирает на станции и приводит в дом. Ведь намного лучше, говорит он каждый раз, если ребенок будет расти в семье, а не как сирота в бедном детдоме, таком, какой они видели в поселке Караман. Когда это было? Ах да, уже десять лет прошло. Мы хотели сдать в детдом четырехлетнюю тогда Айзулу-Ирин, которую кто-то подсунул Омару, зная его мягкосердечие. Девочка лепетала на совершенно незнакомом языке, никто не мог ее понять, разве только одно слово, звучавшее как «Ирин», что можно было понять как имя.

Позднее одна из работниц станции рассказала Омару, что она видела, как истощенная донельзя женщина из арестантского вагона перед самым отходом поезда выставила с разрешения солдата-охранника девочку на перрон. Ей сразу показалась, что мать таким образом решила сохранить девочке жизнь. В то время проходило много вагонов с зарешеченными окнами и с охраной на восток. Больше ничего было невозможно узнать о девочке, но главное было то, что она была голубоглазой и светловолосой, что совсем не вписывалось в казахскую семью. Вот и хотела Зара-Ана отдать девочку в детдом.

Однако, на радость всей семье, Всевышний не допустил несправедливости. Как только она увидела эту массу неухоженных детей в бедном детдоме в Карамане, она сказала Омару, что ни за что не оставит девочку в таких условиях, и они с радостью вернулись с ней домой.

«Ну что ж, нет худа без добра, радуйся, мать, – сказал ей тогда Омар-Ата. – Теперь у нас в семье будет дочка с золотыми волосами, и мы назовем ее Айзулу-Ирин. Я уверен, что со временем она будет прекрасна, как Айзулу, то есть лунный свет, а Ирин мы тоже сохраним, быть может, это будет единственным воспоминанием о ее происхождении».

Да, Омар всегда прав. Так девочка получила это двойное имя, и с удочерением тоже не возникло препятствий, потому что власти уважали Омара-Ата Муртаевича Муртаева не только как заслуженного работника железной дороги, орденосца и депутата Верховного Совета СССР, но и как достойного отца семейства. Остальные дети: и одиннадцатилетняя Заила, и восьмилетний Керим, и шестилетняя Кузулу, и трехлетняя Динара – все они были в разное время найдены Омаром на вокзале и были официально приняты в семью, что каждый раз приветствовалось комиссией райисполкома по правам семьи и ребенка. И за все эти десять лет ни одна душа не объявилась в поисках детей. Да и понять ситуацию можно, если принять

во внимание, сколько семей было разрушено за последние годы, сколько детей осталось без родителей.

Так же ведь было и со мной, думала далее эта старая на вид женщина, которая неделю тому назад справила свое сорокашестилетие. Омар был на три года старше ее, а выглядел тоже уже как старик. А все потому, что они оба имели за спиной тяжелое прошлое. Оба они сразу после революции были насильно отделены от родителей и определены в детские дома, где пробивались как могли, а в шестнадцать лет были направлены на работы на строительство железной дороги. Работники железной дороги имели, не в пример многим другим отраслям производства, значительные преимущества в продовольственном снабжении, что регулировалось Комиссариатом путей сообщения. Восстановление путей сообщения было первоочередной задачей молодого советского государства. Ну, оно того и стоило, если принять во внимание, насколько тяжелы и ответственны были работы по сооружению и затем по эксплуатации железной дороги.

Именно здесь, на этой маленькой железнодорожной станции, скрестились пути двух бывших обездоленных, но не обозленных людей. Здесь они создали семью и произвели на свет пятерых детей, а еще столько же приняли в семью. А теперь еще этот, большой и красивый юноша, который уже столько дней борется со смертью, все еще лежит без сознания. А что же будет, если он навсегда останется инвалидом и не найдет своих родственников, продолжала размышлять женщина. Конечно, он может в этом случае остаться в семье, где все дети воспитываются с одинаковым вниманием и любовью, где никто не чувствует себя обиженным или обездоленным. Так оно и должно быть, так учит нас Аллах. Хотя сейчас религия и преследуется, но тайно, в глубине души никто не запретит произнести Всевышнему благодарственную молитву.

Рассуждения матери, просидевшей большую часть ночи у постели больного, прервала фельдшерица Заиля Керимовна, пришедшая, как всегда, с утренним обходом. По состоянию зрачков, их ширине и реакции на свет, по сохранению глотательного рефлекса и некоторых других витальных показателей, как ее учили в фельдшерско-акушерской школе, она следила за тем, нет ли локальных повреждений головного мозга, удивлялась тому, что он уже неделю не приходит в сознание, но каждый день была вынуждена признавать, что больной остается нетранспортабельным.

Парень пришел в себя через восемь дней и не мог понять, где он находится. Над своей головой он увидел большое количество моделей самолетов и вертолетов, раскрашенных в зеленый цвет, с красными звездами на крыльях, свисавших с потолка. Когда Зара-Ана вошла к нему в комнату, она с радостью увидела, что он пришел в сознание. Парень улыбнулся ей и сказал то, что она ему постоянно говорила на протяжении последних дней, а именно: «пить, кушать, глотать», – и что удивило всех членов семьи, они были сказаны по-казахски. О своем прошлом он ничего не мог сообщить, ни в первые дни, ни позднее. С потерянным видом он некоторое время озирался вокруг и снова впадал в кому. Когда он приходил в себя, то улыбался матери и детям, окружавшим его, пил сок или ел то, что дети давали ему, повторял слова, обращенные к нему.

Так продолжалось еще два дня, а потом Омар-Ата, собираясь утром рано на работу, обнаружил его сидящим на пороге дома. Он улыбнулся хозяину и сказал ему по-казахски что-то вроде «доброе утро». Омар-Ата понял, что он говорит только то, что он слышит от окружающих, но и обрадовался тому, что те немногие слова, которые им были сказаны, не были бредом, а были сказаны со смыслом. Он позвал жену, которая тоже была уже на ногах, поздравил с успехом ее целительного искусства, попросил следить за парнем, чтобы он не ушел куда-нибудь и не потерялся бы в своем затемненном сознании.

Парень был еще очень слаб, но он начал самостоятельно есть. Вначале все жидкое, затем постепенно из всего, что он видел на столе. Все члены семьи были рады его хотя и медленному,

но выздоровлению. Все старались с ним говорить как по-казахски, так и по-русски. Он повторял обращенные к нему слова, и можно было видеть, что он их не только повторяет, но и запоминает.

Еще через два дня он начал выходить во двор, и с этого момента началась для него жизнь без прошлого. Он хорошо кушал и с каждым днем становился крепче физически и уже помогал матери и отцу, он истинно считал их своими родителями, в работах по дому и на огороде он понимал их указания и правильно реагировал или отвечал им. Он стал понимать и быстро усваивал казахскую и русскую речь, то есть оба языка, на которых говорили в семье, и сам стал говорить с членами семьи то по-казахски, то по-русски. Но самое главное, что интересовало всех членов семьи, – он не мог сообщить ничего о себе, о том, что с ним произошло. Он полагал, что он вырос в этой семье, что с ним произошло какое-то несчастье и теперь он постепенно выздоравливает.

Когда и через два месяца он не смог ничего вспомнить из своего прошлого, стало ясно, что парень, если оставить его в таком состоянии, не будет иметь будущего. Фельдшерица объясняла его новым покровителям, что у парня ретроградная амнезия как следствие травмы и, как говорили преподаватели, может пройти много времени, пока к нему вернется память, если это вообще произойдет. Она, а вслед за нею и председатель поселкового совета, со дня на день интересовались, не появилась ли у парня память, ведь надо же с ним определяться, как положено по закону.

Тогда по настоянию местной власти Омар-Ата отвез парня в Аксай, в районную больницу, где были необходимые специалисты. Здесь он обследовался в течение трех недель у невропатолога Земерова и психиатра Жумабаева. Ему выставлялись различные диагнозы, от простой симуляции до посттравматической шизофрении, хотя клиника заболевания как-то не укладывалась ни в какую из этих состояний. Наряду с потерей памяти на прошлое они могли установить у него достаточно высокое общее умственное развитие, школьные знания примерно на уровне седьмого-восьмого класса и хорошие способности к усвоению новых знаний, что показывали специальные тесты.

Наконец по просьбе местных врачей в больницу приехал профессор Игнатов, специалист из областного психоневрологического диспансера в Кустанае, который установил у него редкую форму амнезии, так называемую диссоциированную и избирательную амнезию, которая развивается у больных чаще всего в результате тяжелого психического стресса в комбинации с черепно-мозговой травмой, именно так, как это могло произойти у данного пациента. При этой форме болезни человек забывает свою прошлую идентичность, но сохраняет универсальные знания и способность к обучению, к накоплению новых знаний.

В обстоятельной беседе профессор объяснил Омару-Ата, что юноша потерял свою прошлую идентичность, по-видимому, навсегда. В медицине известны редкие случаи, когда память на прошлое возвращалась, иногда через много лет, при возникновении новой стрессовой ситуации. Процесс этот не поддается моделированию. Также нет необходимости в медикаментозном лечении.

Официальное заключение профессора было таким, что он должен жить с этой новой идентичностью, ждать, что, может быть, память на прошлое и вернется, а пока его нужно обязательно отдать в школу. Он рекомендовал послать его в восьмой класс. Кроме того, профессор выдал Омару-Ата соответствующие документы на усыновление парня.

Вопрос о его усыновлении не вызывал сомнения ни у Омара-Ата, ни у Зары-Ана, ни у кого из членов их большой семьи. А органы социальной опеки многократно убеждались в том, что супруги Муртаевы всех приемных детей воспитывают одинаково заботливо, как и своих собственных, поэтому усыновление каждого нового ребенка происходило беспрепятственно с их стороны. Свой глинобитный дом супруги Муртаевы периодически расширяли посредством пристройки новых комнат, да и подсобное хозяйство было достаточным, чтобы прокормить

большую семью. Они жили согласно казахской поговорке «Дом с детьми – радость и счастье, дом без детей словно могила». В этом доме находилось место для каждого ребенка, оставшегося на станции без родителей, без документов, без будущего.

А еще Омар-Ата был очень уважаемым человеком. За свой доблестный труд он был знаменит не только в своем Аксайском районе, но и за его пределами, в области и в республике. Он двадцать пять лет трудился на железной дороге, вначале простым рабочим, а последние восемнадцать лет – путеобходчиком, за что получил звание заслуженного работника железной дороги, был награжден орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями и благодарностями. А еще он был избран в Верховный Совет СССР, на одном из заседаний которого он был сфотографирован в группе депутатов вместе с самим Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Эту фотографию он хранил и ценил больше всех наград.

Усыновление парня прошло без осложнений, а идентичность он получил от Омара-Ата по еще ранее установленной им схеме. Днем рождения считалась дата находки ребенка, год устанавливался приблизительно с помощью медиков, а имя давалось на семейном совете.

Так он получил имя Руслан, которое ему дали другие дети за его крепкое телосложение, и в поселковом совете был зарегистрирован новый гражданин: Муртаев Руслан Омарович, казах, дата рождения – 9 сентября 1924 года, место рождения – поселок Кара-Су Аксайского района Казахской ССР.

За время жизни в доме приемных родителей Руслан быстро усвоил уклад жизни, играл со своими братьями и сестрами, усваивал языки и уход за животными, из которых самыми крупными, кроме двух коров, были два верблюда, которых Омар-Ата держал в хозяйстве для различных поездок помимо железной дороги, которой он и его семья могли пользоваться бесплатно. Вне графика движения поездов он предпочитал безотказный способ передвижения по бездорожной степи на своих «кораблях пустыни».

10 января 1942 года Омар-Ата посадил своего нового сына на спокойную верблюдицу Наку, сам сел на норовистого самца Джамала и поехал с ним в районный центр Аксай, в школу-интернат, где учились оба старших его сына – и Джунус, который сейчас в школе сержантов и вскоре будет отправлен на фронт, и Марат, в настоящее время курсант летного училища в Оренбурге. Как и родные его сыновья, Руслан будет в конце недели и на праздники приезжать домой на поезде.

Чернявый и покладистый Руслан был хорошо принят остальными учениками школы и показывал хорошие успехи в обучении. Приезжая домой, он радовался общению со своими братьями и сестрами, среди которых особенно выделял светловолосую и голубоглазую Айзулу-Ирин, которую Омар-Ата десять лет тому назад подобрал на станции. Сейчас ей уже четырнадцать и она с отличием оканчивает школу-семилетку в Кара-Су. Что связывает его с ней, это то, что им обоим легко дается немецкий язык, который оба изучают как иностранный. Им обоим доставляет удовольствие чтение простых историй на немецком языке, как, например, сказок братьев Гримм из книжки из школьной библиотеки, и затем разговор по-немецки на прочитанную тему.

Кроме того, Руслан перечитал в своей комнате все книги по авиации, которые собирал и изучал до него его старший брат Марат, курсант летного училища, создавший картонную коллекцию летательных аппаратов, которую Руслан обнаружил над своей головой после того, как пришел в сознание. Он изучил особенности каждой машины не только по моделям, свисавшим с потолка, но и по книгам, оставшимся в доме от Марата, сам собрал несколько моделей из оставшихся картонных заготовок. Обстоятельную книгу «Развитие авиации в СССР» он перечитал несколько раз. А когда Марат приехал домой на два дня в своей летной парадной курсантской форме, познакомился и пообщался со своим новым братом, то Руслан решил, что его судьба может быть связана только с авиацией.

Он оказался очень старательным учеником в школе и усиленно занимался спортом, не только в школе, но и дома, для чего на заднем дворе из двух столбов и лома построил себе турник, на котором подтягивался по много раз в день при каждом приезде домой. И вскоре мог крутить «солнце», доставляя тем самым большое удовольствие своим братьям и сестрам. За полтора года, проведенных в приемной семье, он изучил казахский язык как свой родной и хорошо говорил по-русски, окреп физически и еще вырос, так что на полголовы перерос своего нового отца.

Когда он окончил восьмой класс, он ничего другого не хотел знать, как только стать летчиком. Омару-Ата пришлось употребить весь свой авторитет, чтобы исполнить желание своего любимого сына-найденьша. Он повез его в Аксай в райвоенкомат, где обратился с просьбой к военному комиссару майору Сытину, нельзя ли сына уже сейчас, в его семнадцать лет, призвать в армию, но не солдатом на фронт, а в авиационное училище, в котором уже учится его старший брат Марат. Но военком не мог помочь ему в этом вопросе, кроме того, он выразил мнение, что парень слишком высок для летного училища. С его ростом в один метр семьдесят восемь сантиметров он просто не войдет в кабину боевого самолета, а подготовки пилотов для гражданской авиации в силу военного времени практически нет. Однако, увидев глубокую печаль в глазах старика, он посоветовал ему лично обратиться с этой просьбой к начальнику училища, но обязательно при всех своих наградах.

Глава 2. С мечтой о небе

Именно так, с рекомендательным письмом от районного комитета Коммунистической партии, со всеми орденами и медалями на груди, с удостоверениями депутата Верховного Совета СССР и заслуженного работника путей сообщения в кармане, а кроме того и с фотографией, на которой он в большой группе депутатов сфотографирован рядом с самим Иосифом Виссарионовичем Сталиным, он на поезде отправился с сыном в Оренбургское высшее летное училище.

Они сошли с поезда на маленькой станции, где были встречены дежурным офицером, доставившим их к начальнику училища, заранее оповещенному об их приезде. Как только Омар-Ата увидел начальника училища, он не мог удержаться от довольной улыбки, потому что перед ним предстал высокий офицер, выше ростом, чем его сын, так что с этой стороны препятствий не должно быть, подумал он.

Полковник Криушев с большим уважением принял Омара-Ата, своими заслугами известного человека в обществе. Кроме того, он хорошо знал казахские обычаи, по которым старшим и заслуженным людям, аксакалам, принято оказывать всяческие знаки внимания. Знал, что эти обычаи сохранились и в советское время. Поэтому офицер в первую очередь поинтересовался, хорошо ли гости доехали, затем они пожелали друг другу хорошего здоровья и скорейшей победы Красной Армии над фашистской Германией.

После этого Омар-Ата спросил начальника училища, как обстоят дела с учебой его сына Марата. Получив положительный отзыв, он не преминул сказать, что его старший сын, призванный в армию сразу с первых же дней войны, после окончания школы сержантов служит в пехоте. Руслан должен был внимательно слушать разговор старших, но он успевал незаметно рассматривать грамоты летного училища, развешанные в рамках на стенах кабинета. Наконец дело дошло до целей визита, о чем офицер, очевидно, был уже заранее по телефону предупрежден военкомом.

Полковник задал Руслану несколько вопросов общего характера и затем перешел к выяснению того, что тот знает об авиации, и, кажется, остался доволен его ответами. Он вызвал женщину-военврача и попросил ее сейчас же сделать необходимые обследования. Можно было видеть, что он хотел удовлетворить просьбу Омара-Ата, но он должен был руководствоваться установленными правилами. Пока проводились обследования, он предложил своему гостю чай и они продолжали беседу. Когда полковник получил положительный результат медицинского обследования Руслана, он тотчас зачислил его во второй учебный отряд.

Омар-Ата сердечно поблагодарил полковника и выразил просьбу хотя бы коротко увидеть Марата, что было, однако, невозможно, так как он в связи с программой летной подготовки был на другом полигоне. Но встреча была обещана на следующий день. После этого Руслан в сопровождении дежурного офицера был направлен в казарму, а Омар-Ата – в гостиницу.

В летном училище Руслану с первого дня понравилось все: и казарма, в которой ему была выделена койка, и шкафчик для личных вещей, и курсантская повседневная форма, и учебные классы с таблицами и схемами, и пилотажный тренажер, и спортзал со множеством гимнастических снарядов. Но больше всего он был очарован летным полем и выставленными на его краю в ряд настоящим самолетами, настоящими У-2, управлять которыми ему предстоит научиться, чтобы парить в воздухе, как те модели над его головой после его «нового рождения». Он уже знал, что эти самолеты используются не только в качестве учебных, но и участвуют в военных действиях с первых дней войны. Позднее он узнает, что после смерти конструктора этого самолета Николая Николаевича Поликарпова в 1944 году самолет будет переименован в По-2, знаменитый «кукурузник», на котором и ему предстоит воевать.

На следующий день он в шесть часов утра был на общем построении, с которого началась его военная общевоинская и специальная подготовка. Во второй половине дня он мог коротко повидаться со своим отцом и братом, которому было разрешено проводить отца до железнодорожной станции. С отъездом отца у Руслана на многие месяцы прервалась связь с дружелюбной семьей, приютившей его. Он уже знал, что он и еще пятеро детей были в семье усыновлены, но отношения как между детьми, так и детьми с родителями были самые теплые и хорошие, поэтому ему сейчас не хватало общения с ними, как с младшими братьями и сестрами, так и с отцом и матерью. Но он знал также, что он на пути к своей заветной цели, а это было сейчас главное. Он должен стать летчиком. А кроме того, он почти каждый день, как только позволял учебный план, мог видеться и общаться с Маратом.

Учеба не представляла для него больших трудностей. Теоретический курс был, по сути, лишь повторением того, что он познал дома по книгам брата. Труднее было с изучением материальной части: мотора, систем подачи топлива и зажигания, но и в этой части он быстро нагнал тех, кто был зачислен в училище на полгода раньше него. В строевой и физической подготовке он вообще был одним из первых. Это было ясно всем, когда он по требованию сержанта Исаева сорок раз подтянулся на перекладине и затем после небольшого перерыва несколько раз прокрутил «солнце». Физподготовка в школе и самодельный турник дома пришлись теперь очень кстати.

Благодаря своему дружелюбному характеру у него установились хорошие отношения практически со всеми курсантами. Только своего соседа по койке в казарме он душой не мог принять. Это был сержант, личный шофер начальника училища, который на американском «виллисе» постоянно стоял под окнами кабинета начальника, готовый немедленно ехать по его указанию. Но когда шеф был в отъезде, у него было много свободного времени, которое он проводил своеобразно. Он приглашал в машину одну из девушек, работавших при штабе, лазарете или кухне, увозил ее в степь и где-нибудь за кустами занимался с ней в машине любовью. Руслана, собственно, его занятия в его свободное время не интересовали, но он не мог слышать, как он, собрав вокруг себя круг слушателей из молодых курсантов, похвалялся своими успехами у женщин, налагая на них пятно грязи. Как и в данном случае, когда он рассказывал, что по собственной оплошности лишился хорошего, как он выражался, секса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.